УДК 811.112.2: 811.111
doi 10.17072/2073-6681-2026-3-46-55
EDN LXIWXU
https://elibrary.ru/lxiwxu

Функционально-семантический потенциал немецкоязычных конструкций с *man* как средства имперсонализации

Разумных Елена Валерьевна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
amilano80@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются функциональные возможности немецкого местоимения ‘man’ как универсального средства имперсонализации. Сопоставление двух разноязычных текстов с применением методов сплошной выборки и контрастивного анализа показало, что немецкие структуры с ‘man’ используются в качестве переводческого эквивалента для целого спектра англоязычных конструкций, различающихся категориальным значением персональности и референциальным компонентом как степенью выделенности или устраненности субъекта. Среди оригинальных англоязычных структур, семантика которых может быть передана с помощью ‘man’-конструкций, отмечены предложения неопределенно-личной семантики с подлежащими ‘one, you, they’, обобщенно-личные конструкции с подлежащими ‘you, we’, пассивные конструкции, предложения бытийной и квалификативной семантики, безличные предложения с инфинитивом, а также определенно-личные конструкции, где в роли производителя деятеля или носителя состояния выступает сам говорящий. Такой обширный функционально-семантический потенциал немецкой конструкции с ‘man’ объясняется историческим развитием данного местоимения, в ходе которого оно, несмотря на десемантизацию и грамматикализацию, сохранило остатки внутренней формы со значением агенсности в широком смысле, а также комплексным характером неопределенной референции, различные смысловые оттенки которой обнаруживают зоны пересечения и взаимопроникновения. Полученные результаты могут найти применение как в переводческой практике, так и в межъязыковых исследованиях категории персональности в двух языках.

Ключевые слова: категория персональности; безличность; неопределенно-личность; обобщенно-личность; местоимение *man*.

Для цитирования
Разумных Е. В. Функционально-семантический потенциал немецкоязычных конструкций с *man* как средства имперсонализации // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 3. С. 46–55. doi 10.17072/2073-6681-2026-3-46-55. EDN LXIWXU

Functional and Semantic Potential of German “*man*”-structures as an Impersonalization Strategy

Elena V. Razumnykh
Lomonosov Moscow State University
amilano80@mail.ru

Abstract. The article focuses on the functional scope and features of the German pronoun “man” as a universal impersonalization tool. Continuous sampling and contrastive analysis methods were used to compare two texts in different languages – German and English. The study has revealed that German “man”-structures can be used as a translation equivalent for a wide range of English sentences that differ in their

© Разумных Е. В., 2026

subject's referential component by which we mean the degree to which the semantic subject is made prominent or suppressed. Among the original English structures whose semantics can be conveyed through "man"-phrases are the following: indefinite-personal sentences with the pronouns "one," "you," and "they" as subjects; generalized personal sentences with the pronouns "you" and "we" in the same role; passive constructions; sentences bearing existential and qualificative semantics; impersonal sentences with infinitives; constructions with the definite personal subject where the speaker themselves possesses the role of an actor or experiencer. The findings suggest that the extensive functional and semantic potential of German "man"-structures can be explained, in the first place, by the historical development trajectory: despite the semantic bleaching and grammaticalization, the pronoun "man" has presumably retained the remnants of its original meaning that conveys the idea of agency in a broad sense. Another reason may be the complex nature of the indefinite reference, with various shades of meaning mutually intertwined with each other. The results of this research may be of use in translation practice and cross-linguistic studies of impersonality-related phenomena in English and German.

Keywords: personality category; impersonality; indefinite-personal; generalized-personal; *man* pronoun.

For citation
Razumnykh E. V. Functional and semantic potential of German *"man"*-structures as an impersonalization strategy. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 3, pp. 46–55. doi 10.17072/2073-6681-2026-3-46-55. EDN LXIWXU (In Russ.)

Введение

Способы выражения лексико-грамматической категории персональности, известной также как категория личности/безличности, во многом определяются типологическими особенностями языков, что, в свою очередь, выступает результатом их исторического развития. В современном языкознании общепризнанным является понимание того, что дейктическая категория лица, функция трехчленной парадигмы которой сводится к указанию на участников или неучастников коммуникации, входит в состав более широкой и полифункциональной категории персональности, показывающей, помимо дейктической составляющей, различные варианты соотношения действия с его производителем (см., например: [Лаврентьев 2013]. В этой связи выделяются категориальные значения определенно-личности, неопределенно-личности, обобщенно-личности и безличности, хотя последний из перечисленных терминов является в известной степени условным и допускает разные толкования [Зеленецкий 2004: 173]. Проблематика соотношения данных категориальных значений с определенными синтаксическими структурами была достаточно подробно разработана на материале русского языка. В русской грамматической традиции значения определенно-личности, неопределенно-личности, обобщенно-личности и безличности, различающиеся между собой референцией как степенью выделенности семантического субъекта, прочно связаны с понятием односоставных предложений, где подлежащее отсутствует или считается опущенным. В других языках, к примеру в немецком и английском, такой подход не применим из-за иных морфосинтаксических потребностей предложения, строй которого отличается обязательной двусоставностью и демонстрирует наличие любого, пусть даже формального, подлежащего в именительном падеже. Вместе с тем представляется разумным полагать, что сущностное содержание обсуждаемой категории как возможность представления (или устранения) действующего субъекта носит универсальный характер, основанный на общечеловеческих путях осмысления окружающей действительности, а потому может быть так или иначе обнаружено в языке вне зависимости от его морфологического или синтаксического строя. В таком случае категориальные значения персональности оказываются расположенными в другой языковой плоскости и привязанными к совсем иным параметрам, отличным от односоставности предложения или формы предиката.

Объектом изучения в настоящей статье являются немецкоязычные конструкции с местоимением *man*, известные как один из основных способов указания на неопределенно-личный агенс. Данное местоимение произошло от полнозначного существительного *Mann* 'человек, мужчина', которое, пройдя путь десемантизации и грамматикализации, получило возможность указывать на некоторого неопределенного или любого деятеля (носителя состояния) [Жирмунский 2023: 206; Москальская 2006: 125–128], одновременно заполняя позицию подлежащего и тем самым обслуживая потребности двусоставного предложения. Такая стратегия была в целом рас-

пространена в истории германских языков. Так, описание конструкций с *man* с примерами из различных памятников находим еще в первой сравнительной грамматике германских языков Я. Гримма. В древнеанглийском также была известна конструкция с аналогичным значением [Ярцева 2022: 57; Fischer 2006: 225], однако позже местоимение *man* было вытеснено местоимением *one* и прочими альтернативами. Данные других языков, в том числе генетически не родственных германским или далеких от них, подтверждают идею о том, что десемантизация универсального существительного (так называемого *generic noun*) со значением человеческого существа может представлять собой продуктивный путь формирования различного рода местоимений. В исследовании М. Хаспельмата, посвященном функционированию неопределенных местоимений в сотне языков мира, такая стратегия отмечается в 42 языках [Haspelmath 2001: 182]. Исследования Б. Гейне и др. показывают, что существительные подобного рода являются важным источником образования не только неопределенно-личных, но даже и личных местоимений третьего лица, примеры чего можно в избытке найти в языках Африки, а также в корейском, тайском, вьетнамском и других азиатских языках [Heine, Song 2011; Heine, Kuteva 2004].

Таким образом, в сопутствующих друг другу тенденциях десемантизации и грамматикализации существительного со значением «человек, мужчина», по-видимому, можно усматривать универсальный способ осмысления окружающей действительности, способный проявляться в разных по своему строю языках. Десемантизация в широком смысле приводится в действие процессами метафоризации. Сущность же грамматикализации, которая на протяжении долгого времени является устойчивым предметом интереса исследователей, сводится к тому, что абстрактные грамматические концепты, не имея для себя готовых форм выражения, заимствуют их в сфере лексики и адаптируют для своей цели [Голубева 2017: 83] (подробнее о грамматикализации см. также: [Heine, Claudi, Hünnemeyer 1991; Lehmann 2004], обзор определений грамматикализации как лингвистического понятия см. в [Campbell, Janda 2001]).

Гипотеза, цель, материал и методы исследования

Применительно к немецким конструкциям с *man* есть основания предполагать наличие у них широкого спектра функциональных возможностей, но вместе с тем и особенностей употребления в различных контекстах. Такие возможности и особенности могут быть связаны со следующими факторами: во-первых, с исторической траекторией грамматикализации существительного *man*, которая могла сопровождаться частичным сохранением внутренней формы на фоне общей десемантизации, а также высвечиванием этой формы в определенных ситуациях; во-вторых, с двусоставным строем немецкого предложения, где номинативное подлежащее, связанное с идеей действующего лица (носителя состояния), способно сообщать всей конструкции более или менее выраженный оттенок агенсности; в-третьих, с тем, что неопределенная референция, которую в самом общем смысле определяют как указание на неизвестное или неуточненное действующее лицо, представляет собой неоднородное явление с возможностью градации степени и характера выделенности или, напротив, устраненности субъекта.

Проявление первых двух факторов можно увидеть в том обстоятельстве, что немецкие предложения с *man*, способные, как и предложения с начальным *es*, служить средством обезличивания за счет отсутствия конкретности в отношении исполнителя (источника) действия, всё же имеют ограничения по линии одушевленности/неодушевленности в сравнении с безличными *es*-конструкциями. Структуры с *man* не употребляются для описания действий, совершаемых неодушевленным предметом или явлением, и в целом характеризуются гораздо меньшим объемом грамматических функций, чем предложения с начальным *es* [Бабенко 2022: 34; Бабенко 2024: 266]. С другой стороны, обсуждаемое местоимение не указывает на референтов дискурса, в связи с чем использование личного местоимения третьего лица *er* для анафорической отсылки и в качестве антецедента невозможно (см. примеры в [Gast, van der Auvera 2013: 134]), и это свидетельствует в пользу грамматикализации формы *man*.

Третий из перечисленных факторов происходит из того, что неопределенную референцию можно рассматривать не только с точки зрения ее специфических форм выражения в конкретном языке, но и как внеязыковой, универсальный, когнитивно-обусловленный способ осмысления окружающей действительности. Семантические оттенки неопределенной референции, формируемые характеристиками как описываемой ситуации, так и самого действующего (но при этом неопределенного) субъекта могут перераспределяться между конструкциями в разных языках, обнаруживая различные стратегии имперсонализации, однако должны иметь возможность сохраняться и передаваться при переводе с одного языка на другой в соответствии с общечеловеческим характером знания об окружаю-

щем мире. На практике это можно продемонстрировать, к примеру, тем, что отдельно выделяемые для русского языка категориальные значения неопределенно-/обобщенно-личности, каждое из которых имеет свою условно доминирующую структурную форму (односоставные предложения с глагольным предикатом в форме 3-го лица множественного числа и 2-го лица единственного числа соответственно), способны семантически «умещаться» в немецкой конструкции с *man*, которая будет являться для них одним из возможных переводческих эквивалентов. В грамматике Duden семантика конструкций с *man* описывается равным образом и как неопределенная, и как обобщенная (*generisch, verallgemeinernd*), хотя под термином *generisch* может подразумеваться не только возможность обобщенной референции в традиционном понимании, но и указание на лиц или живых существ обоих полов [Duden 2009: 257].

Приведенный пример является лишь малой иллюстрацией предполагаемого обширного семантического потенциала немецкой *man*-конструкции. В этом смысле показательным является исследование корпусного характера, проведенное А. Бауэр на материале шести славянских языков (русском, украинском, болгарском, хорватском, чешском и польском). Используя семантическую карту имперсональной референции, предложенную в [Gast, van der Auvera 2013] и состоящую из различных типов ситуаций, к различительным параметрам которых относятся воображаемый характер действия или его реальность, типичность или эпизодичность, модальность, инклюзивность или эксклюзивность действия по отношению к говорящему и некоторые другие, исследовательница приходит к выводу, что отличительным свойством немецких конструкций с *man* является возможность их функционирования во всех видах таких контекстов. Это позволяет использовать упомянутые конструкции в качестве «фильтра» для выявления стратегий имперсонализации в других языках. По сравнению с немецким *man*, местоимения и конструкции схожей семантики в исследованных славянских языках «специализируются» только на ограниченном, хотя и различающемся наборе контекстов [Bauer 2021]. Очевидно, что семантический объем той или иной языковой единицы, равно как и возможность перераспределения смысловых оттенков между конструкциями разных языков, могут быть достоверно оценены в ходе контрастивно-переводческих наблюдений, когда переводные тексты используются для выявления возможностей интерпретации исходного смысла, оформленного с помощью системотехники языка-оригинала [Недялков 2005: 241].

Изложенные соображения определяют ***цель настоящего исследования***, которая состоит в выявлении функционально-семантического потенциала немецких конструкций с *man* как средства имперсонализации. Такой потенциал выявляется с помощью того спектра разнообразных по своей референциальной составляющей конструкций другого (в данном случае – английского) языка, для которых *man*-структуры могут выступать в качестве переводческого эквивалента. В качестве ***материала исследования*** используется английский текст романа А. Кристи «Убийство в Восточном экспрессе» ("Murder in the Orient Express") и его перевод на немецкий язык ("Mord im Orient Express"), выполненный Элизабет ван Беббер. Помимо художественной ценности оригинального текста, признанного одним из наиболее известных и популярных произведений писательницы, его выбор в качестве материала для лингвистического анализа был продиктован тем, что английский и немецкий языки имеют близкую генетическую связь. Конструкции с *man*, обнаруживаемые в английском языке на ранних этапах его развития (подробнее см.: [Разумных 2025]), были впоследствии вытеснены иными стратегиями выражения неопределенно-личного агенса, в связи с чем анализ современного состояния таких стратегий и линий их пересечения с немецкими *man*-конструкциями представляет особый интерес. Использованные тексты являются речевыми образцами современных языков, а перевод обнаруживает большую частотность обсуждаемого местоимения, что также объясняет выбор материала исследования.

Как правило, исследования контрастивно-переводческого характера строятся в направлении от оригинала к переводу, когда конструкции переводного текста оцениваются с точки зрения их соответствия исходнику и применяемых переводческих стратегий в одном или нескольких текстах. Настоящее исследование выполнено в обратном направлении: структуры с местоимением *man* были сперва выявлены в немецком переводе с помощью ***метода сплошной выборки***, а затем сопоставлены с оригинальными английскими контекстами с использованием ***методов контекстуального и контрастивного анализа***. Представляется, что такой подход способен дать ответ сразу на несколько вопросов: 1) какие из синтаксических структур английского текста могут потенциально иметь *man*-конструкцию в качестве своего переводного эквивалента; 2) каково соотношение между конструкциями исходного и переводного текста с точки зрения семантики и, в частности, референциального компонента; иными словами, всегда ли референция оригинальной конструкции соответствует референции

структуры с *man*, а если нет – насколько широким и разнообразным может быть расхождение между ними.

Исследование и его результаты

Сопоставление двух текстов позволило выделить в английском оригинале несколько типов контекстуальных ситуаций, в каждой из которых реализуется та или иная стратегия имперсонализации. Несмотря на различие между английскими конструкциями, все они допускают при переводе использование немецкой структуры с *man*.

1. *Man*-конструкции используются в первую очередь для перевода субъектно-предикатных структур с неопределенно-личными местоимениями *one, someone, they* в роли подлежащего. Ср.:

(1) *Dieser Zug trifft fahrplanmäßig abends um 6.55 Uhr ein, und* ***man*** *muß den Bosporus überqueren. – The train is due in at 6.55 and* ***one*** *has to cross the Bosphorus.*

(2) *… würde* ***man*** *wenigstens versuchen, etwas zu tun. – There'd be* ***someone*** *at least trying to do something.*

(3) ***Man*** *behauptet, es sei seit Jahrzehnten nicht mehr so viel Schnee gefallen wie in diesem Winter. –* ***They*** *say there has not been so much snow for years.*

Как было упомянуто, неопределенно-личная *man*-стратегия сменилась в ходе развития английского языка на *one*-стратегию, причем относительно причин такой смены у исследователей нет единого мнения. Совокупность способствующих тому факторов могла включать и присутствие в языке одноименного полнозначного существительного, и проблемы согласования, и сложность анафорической ссылки [Fischer 2006: 225]. Известно, что английский язык на протяжении длительного времени находился под влиянием французского, где для указания на неопределенно-личный агенс используется местоимение *on*. Последнее же, хотя и связано этимологически с существительным, обозначающим человека, обнаруживает сильное фонетическое сходство с английским числительным *one*. Это позволяет сделать предположение о том, что факторы фонетического и фонологического характера, которые способны провоцировать морфологические изменения, могли сыграть определенную роль в ходе данной замены. Не исключен и вариант прямого заимствования, что возможно в случае интенсивного языкового контакта, хотя М. Хаспельмат отмечает, что случаев заимствования полноценного неопределенного местоимения в исследованном им обширном корпусе языков не обнаружено и речь, как правило, идет о заимствовании отдельных маркеров неопределенности [Haspelmath 2001: 184]. Наконец, числительное со значением «один» само по себе является источником независимого и довольно распространенного в языках мира направления грамматикализации, в результате которого оно приобретает значение неопределенности (см. примеры в [Heine, Kuteva 2004: 220–221]). Таким образом, можно полагать, что сочетание сразу нескольких разнохарактерных мотивов могло привести к замене одного местоимения на другое в истории английского языка. Применительно к языковой единице *one* следует также заметить, что местоименность является лишь одним из возможных «прототипических пиков» ее значения. В целом же разнообразные типы ее употребления в современном английском языке складываются в единый комплекс разнородных и порой полностью противоположных друг другу значений – от полной определенности до полной неопределенности (подробнее см.: [Недельченко 2010]).

Из примеров (1)–(3) видно, что английские местоимения *one, someone и they* различаются объемом своей референции, что устанавливается на основе контекста. Так, в примере (1) говорящий явно включен в круг обобщенного числа лиц, но исключен из него в примерах (2) и (3), которые различаются между собой числом действующих и при этом неопределенных субъектов. В немецком переводе для передачи всех этих смысловых оттенков используется местоимение *man*.

2. Субъектно-предикатные структуры с местоимением 2-го лица *you*, которые, как традиционно считается, больше тяготеют к значению обобщенно-личности, также переводятся с использованием конструкций с *man*. В редких случаях отмечено их использование для перевода предложений, где обобщенный агенс выражен местоимением *we*. Ср.:

(4) *Was kann* ***man*** *da anderes erwarten? – What can* ***you*** *expect?*

(5) *In meinem Land pflegt* ***man*** *keine Umschweife zu machen, M. Poirot. – In my country, he said,* ***we*** *come to the point quickly.*

В зарубежной лингвистической традиции разграничение категориальных значений неопределенно- и обобщенно-личности не носит сколько-нибудь последовательного характера ни в части формы, ни в части семантики. В отечественной лингвистике попытка четко развести эти два значения была в свое время предпринята Т. П. Ломтевым, который использовал для этого понятия разделительного и собирательного множеств, а также некоторых квантитативов. Согласно его трактовке, обобщенно-личность имеет место там, где предикатный предмет мыслится как любой и при этом каждый член собирательного множе-

ства без каких-либо исключений (квантитатив безысключительности). Неопределенно мыслимый предмет является членом некоторого собирательного множества и мыслится при этом как безразлично какой, но необязательно каждый член этого множества (квантитатив небезысключительности) [Ломтев 1972: 157]. Однако применение данных параметров к примерам (4) и (5) допускает, по-видимому, двоякое толкование их референциального компонента, и в исследовательской литературе неоднократно указывалось на размытость границ между значениями неопределенно- и обобщенно-личности.

3. Широко распространено использование конструкций с *man* для перевода англоязычных пассивных конструкций, где указание на производителя действия отсутствует вовсе и основной акцент высказывания сосредоточен на самом действии. В целом исследователи регулярно указывают на пассивизацию как на один из способов устранения лица в английском языке, в результате чего некоторые пассивные структуры учитываются в классификациях английских безличных предложений (см., например: [Березина 2020]. На соприкосновение категорий персональности и залоговости обращалось внимание и в отечественной лингвистике (например: [Бондарко 2017]). В немецком переводе размытый образ производителя действия, как представляется, всё же способен высвечиваться за счет остатков внутренней формы в десемантизированном местоимении и агенсности конструкции. При этом референциальная составляющая *man* определяется контекстом: так, в примере (6) данное местоимение указывает на определенного, хотя и неизвестного человека (того самого, который совершил преступление и поиском которого занимается главный герой романа), а в примере (7) имеется в виду одно из ограниченного множества лиц, уточнение которого в данной коммуникативной ситуации не требуется. Ср.:

(6) *… an uns liegt es herauszufinden, wie* ***man den Trick ausführt****. – It is our business to find out how* ***the trick is done****.*

(7) ***Man hat es*** *nur in ein anderes Abteil* ***gebracht****. –* ***It has been moved*** *into another compartment.*

4. Отдельную категорию составляют весьма разнообразные по своему характеру случаи, когда конструкции с *man* используются для перевода так называемых бытийных или квалификативных предложений, в которых сообщается о существовании чего-либо или дается оценка какому-либо факту (событию) с точки зрения говорящего. Структурной особенностью английских предложений такого рода является наличие в них именного сказуемого со связкой *to be*. Ср.:

(8) *Der Wortwechsel –* ***sofern man von gewechselten Worten sprechen konnte*** *– dauerte ziemlich lange. – The altercation – if* ***it was one*** *– went on for some time.*

(9) *…aber ich denke nicht, daß* ***man dies als verdächtigen Umstand deuten muß****. – But I do not think* ***that is really a suspicious circumstance****.*

Приведенные примеры показывают, что исходные английские предложения, полностью лишенные идеи действующего лица, трансформируются в немецком переводе в неопределенно-личные. Описываемые действия или события представляются в них не сами по себе, а с точки зрения завуалированного, в высшей степени неопределенного агенса, который дает оценку происходящему. Примечательно, что конструкции немецкого перевода всегда получают при этом составное сказуемое с модальным компонентом (*sprechen konnte, deuten muß*). Близко к описанным случаям находятся и номинативные предложения, которые подвергаются схожим переводческим трансформациям с введением в структуру предложения неопределенного деятеля. Ср.:

(10) *Eine derart gräßliche Geschichte* ***vergißt man*** *nicht so leicht. – A very shocking affair.*

(11) *Auf den Kehricht* ***möchte man es werfen****! – Just a lot of rubbish.*

5. Неопределенно-личные конструкции с *man* оказываются применимыми и при переводе безличных предложений с инфинитивом:

(12) *Natürlich sah* ***man*** *nichts. – Nothing to see, of course.*

(13) *Über eine so freche Antwort lacht* ***man*** *nicht, mein Herr. – It's not right to laugh at such things.*

Представляется, что такой перевод возможен благодаря особой семантике структур оригинала, которые представляют собой не собственно-безличные предложения, указывающие на явления природы или состояния окружающей среды, а используют семантически личные глаголы (*see, laugh*) в обезличенном значении. Это позволяет легко восстановить в переводе опущенную идею действующего лица. Рассуждая о применении конструкций с *man* для перевода структур подобного рода, можно отметить их антропоцентричный характер, поддерживаемый этимологически обусловленной внутренней формой местоимения. Здесь, как и в предыдущей группе примеров (8)–(11), описываемые ситуации изображаются с точки зрения неопределенного и потенциально любого человека, хотя модальный компонент в них отсутствует.

6. В некоторых случаях неопределенно-личные предложения с *man* используются для перевода определенно-личных структур, где есть указание на конкретного носителя состояния или получателя некоторой информации, в роли кото-

рого, как правило, выступает сам говорящий. В немецком переводе использование местоимения *man* размывает или полностью устраняет идею присутствия говорящего, заменяя его на неопределенное лицо (лица) как источник такого состояния или информации. Основной акцент высказывания сосредоточен при этом на самом действии, что и является функциональным назначением неопределенно-личных конструкций.

(14) ***Man*** *hat mich jetzt in dem Abteil untergebracht, das er früher innehatte. – I am now in the compartment that he has formerly.*

(15) *La Sainte Sophie –* ***man*** *schwärmt allgemein von ihr. – I have heard it is very fine.*

Вариативность структур английского текста, которые могут переводиться на немецкий язык конструкцией с местоимением *man*, показана в таблице.

Соответствие конструкций с *man* в тексте перевода разнообразным структурам в тексте оригинала

Types of original English sentences translated with German "*man*"-structures

Английский оригинал	Немецкий перевод
Субъектно-предикатные структуры с неопределенно-личными местоимениями *one, someone*	Конструкция с *man*
Субъектно-предикатные структуры с личными местоимениями *they, you, we* в неопределенно-/обобщенно-личном значении	
Пассивные конструкции	
Бытийные и квалификативные предложения с глаголом *to be*	
Номинативные предложения	
Инфинитивные предложения	
Определенно-личные предложения (с местоимением *I*)	

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить в английском тексте широкий спектр структур, которые, несмотря на разнообразие своей формы и рефенциальной составляющей, имеют в качестве переводческого эквивалента немецкую конструкцию с неопределенно-личным местоимением *man*. Наибольшую близость к ней в структурном и семантическом плане обнаруживают, по всей видимости, английские предложения с неопределенным местоимением *one* и его производными, что обусловлено сходными историческими процессами грамматикализации немецкого существительного *Mann* и английского числительного *one* и, как следствие, формированием у них особой семантико-синтаксической функции указания на неопределенно-личный агенс с одновременным заполнением позиции формального подлежащего в двусоставном предложении. В тех случаях, когда агенс английских предложений представлен местоимениями *they*, *you*, *we* в неопределенно- или обобщенно-личном значении, можно наблюдать различные варианты их смысловой соотнесенности с немецкой *man*-конструкцией в части референциальной составляющей и включенности говорящего в круг подразумеваемых лиц. Типичным при этом является отсутствие четких границ между значениями неопределенности и обобщенности. Наибольшее расхождение между референциальным компонентом конструкций оригинала и перевода отмечено в тех случаях, когда *man*-конструкции с присущей им неопределенной референцией используются для перевода определенно-личных высказываний, где действующим лицом является сам говорящий.

Отдельный блок конструкций оригинального текста составляют безличные по своей природе высказывания, в которых идея действующего лица оказывается устраненной как в структурном, так, по-видимому, и в семантическом плане (номинативные и инфинитивные предложения, высказывания с бытийной и квалификативной семантикой, пассивные конструкции). Немецкая *man*-конструкция в переводном тексте демонстрирует обширный семантический потенциал и служит эквивалентом для всех перечисленных разновидностей структур, однако ее важной особенностью при этом является антропоцентрический фокус высказывания. Его можно усмотреть в самой двусоставной субъектно-предикатной структуре предложения с высвечиванием внутренней формы местоимения *man* в роли субъекта-агенса, а также в наличии в ряде случаев модального компонента высказываний, когда ситуации реальной действительности изображаются и оцениваются с точки зрения того самого неопределенного субъекта.

Таким образом, конструкция с *man* может использоваться в качестве переводческого эквивалента крайне широкого спектра структур английского текста, которые по своей семантике варьируются от определенно-личности до безличности. Утверждая факт такого обширного функци-

онально-семантического потенциала немецких *man*-конструкций, нельзя не упомянуть и о некоторых ограничениях настоящего исследования. Во-первых, все установленные соответствия между конструкциями оригинального и переводного текста связаны с вопросом выбора переводческих стратегий, которые не лишены влияний субъективного характера и часто могут определяться личными предпочтениями переводчика. Известно, что даже самый лучший перевод есть целая цепочка отступлений от оригинала, что тем более верно для художественного текста. В то же время использование *man*-конструкции для перевода той или иной структуры оригинала было бы невозможно, если бы такое использование не поддерживалось внутренними семантическими ресурсами обсуждаемой конструкции. Иными словами, заложенный в ней диапазон конкретных значений, в которых она реализуется в тексте, имеет вероятностный потенциал, реализация которого зависит от контекста. Возвращаясь к вопросу о десемантизации и грамматикализации немецкого местоимения *man*, можно в этой связи сделать вывод о том, что данный процесс завершился для него не только грамматической функцией, но и в существенной степени абстрактной идеей агенсности. Получая разное осмысление и градацию в зависимости от контекста, эта глобальная по своей сути идея допускает применение *man*-конструкций в качестве универсального средства выражения различных смыслов. Второе ограничение, которое вместе с тем предполагает расширение объемов исследования, состоит в том, что в него не были включены те случаи, когда семантика неопределенно-/обобщенно-личности и безличности, заданная оригинальным текстом, получала в немецком переводе иное выражение, отличное от конструкции с *man*. Выявление других стратегий имперсонализации в переводном тексте позволило бы сопоставить сферы соответствующих категориальных значений в привязке к языковым формам в двух языках, что открывает перспективы дальнейших исследований.

Список источников

Agatha Christie. Mord im Orientexpreß. Aus dem Englischen von Elisabeth van Bebber. Bern; München; Wien: Scherz, 1993. 270 p.

Agatha Christie. Murder on the Orient Express. Moscow: Jupiter – Inter, 2008. 244 p.

Список литературы

Бабенко Н. С. Грамматика безличности в немецком научном тексте (на материале теоретического труда Г. Пауля «Prinzipien der Sprachgeschichte 1880 года») // Эмпирические исследования германских языков: сб. ст. по материалам VII Чтений памяти В. Н. Ярцевой. М.: Языкознание, 2024. С. 259–272. doi 10.37892/978-5-6049527-5-7-16

Бабенко Н. С. Феноменология безличности и ее синтаксические проекции в немецком языке // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 29–49. doi 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-29-49

Березина О. А. Категория «безличность» в современном английском языке: дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2020. 406 с.

Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2017. 336 с.

Голубева Н. А. Грамматикализация как стратифицирующий фактор категориальной семантики // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе: кол. монография. М.: Канцлер, 2017. С. 81–89.

Жирмунский В. М. История немецкого языка. М.: УРСС, 2023. 416 с.

Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М.: Академия, 2004. 252 с.

Лаврентьев В. А. Категория синтаксического лица в современном русском языке: дис. … д-ра филол. наук. М., 2013. 509 с.

Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во МГУ, 1972. 199 с.

Москальская О. И. История немецкого языка. М.: Академия, 2006. 288 с.

Недельченко О. И. Языковая единица 'one' в системе функционально-семантических классов слов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2010. 27 с.

Недялков И. В. Английские и русские безличные конструкции: полевые структуры, центр и периферия // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 233–243.

Разумных Е. В. Неопределенно-личные предложения с местоимением *man* в древнеанглийском языке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2025. Т. 29, № 2. С. 49–60. doi 10.18522/1995-0640-2025-2-49-60

Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка. М.: Ленанд, 2022. 200 с.

Bauer A. Impersonalization in Slavic: A Corpus-Based Study of Impersonalization Strategies in Six Slavic Languages // Journal of Slavic Linguistics. 2021. Vol. 29, № 2. P. 123–178.

Campbell L., Janda R. Introduction: Conceptions of Grammaticalization and Their Problems // Language Sciences. 2001. Vol. 23. P. 93–112. doi 10.1016/S0388-0001(00)00018-8

Duden. Die Grammatik. Band 4. Dudenverlag: Mannheim-Wien-Zurich: Duvenverlag, 2009. 1349 p.

Fischer O. Syntax // The Cambridge History of the English Language. Vol. 2 / N. Blake (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 699 p.

Gast V., van der Auvera J. Towards a Distributional Typology of Human Impersonal Pronouns, Based on Data from European Languages // Language Across Boundaries. De Gruyter, 2013. P. 131–169. doi 10.1515/9783110331127.119

Haspelmath M. Indefinite Pronouns. Oxford: Oxford University Press, 2001. 384 p.

Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. Grammaticalization: A Conceptual Framework. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 327 p.

Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 402 p.

Heine B., Song K.-A. On the Grammaticalization of Personal Pronouns // Journal of Linguistics. 2011. Vol. 47, № 3. P. 587–630. doi 10.1017/S0022226711000016

Lehmann C. Theory and method in grammaticalization // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2004. Vol. 32, № 2. P. 152–187. doi 10.1515/zfgl.2004.32.2.152

References

Babenko N. S. Grammar of impersonality in German scientific texts (an analysis of Hermann Paul's "Prinzipien der Sprachgeschichte" of 1880). *Empirical studies of Germanic languages: A collection of scientific articles based on the materials of VII Readings in memory of V. N. Yartseva*. Moscow, Yazykosnanie Publ., 2024, pp. 259–272. doi 10.37892/978-5-6049527-5-7-16 (In Russ.)

Babenko N. S. The phenomenology of impersonality and its syntactic projections in German. *Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists,* 2022, issue 19, pp. 29–49. doi 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-29-49 (In Russ.)

Berezina O. A. *The "impersonality" category in modern English*. Dr. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2020. 406 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Verb categories in the functional grammar system*. Moscow, LRC Publishing House, 2017. 336 p. (In Russ.)

Golubeva N. A. Grammaticalization as the stratification factor of categorial semantics. *Grammar categories of Germanic languages in the anthropocentric perspective*. Moscow, Kantsler Publ., 2017, pp. 81–89. (In Russ.)

Zhirmunskiy V. M. *The history of German.* Moscow, URSS Publ., 2023. 416 p. (In Russ.)

Zelenetskiy A. L. *A comparative typology of major European languages.* Moscow, Akademiya Publ., 2004. 252 p. (In Russ.)

Lavrent'ev V. A. *The category of syntactic person in modern Russian*. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2013. 509 p. (In Russ.)

Lomtev T. P. *Sentence and its grammatical categories*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1972. 199 p. (In Russ.)

Moskal'skaya O. I. *The history of German.* Moscow, Akademiya Publ., 2006. 288 p. (In Russ.)

Nedel'chenko O. I. *The language unit "one" in the system of functional and semantic word classes*. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Ufa, 2010. 27 p. (In Russ.)

Nedyalkov I. V. English and Russian impersonal structures: Field structures, the center and periphery. *The issues of functional grammar. Field structures*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 233–243. (In Russ.)

Razumnykh E. V. Indefinite-personal "man" structures in Old English. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 2025, issue 29 (2), pp. 49–60. doi 10.18522/1995-0640-2025-2-49-60 (In Russ.)

Yartseva V. N. *The historical morphology of English.* Moscow, Lenand Publ., 2022. 200 p. (In Russ.)

Bauer A. Impersonalization in Slavic: A corpus-based study of impersonalization strategies in six Slavic languages. *Journal of Slavic Linguistics,* 2021, issue 29 (2), pp. 123–178. (In Eng.)

Campbell L., Janda R. Introduction: Conceptions of grammaticalization and their problems. *Language Sciences*, 2001, vol. 23, pp. 93–112. doi 10.1016/S0388-0001(00)00018-8 (In Eng.)

Duden. Die Grammatik. Vol. 4. Mannheim-Wien-Zurich, Dudenverlag, 2009. 1349 p. (In Ger.)

Fischer O. Syntax. *The Cambridge history of the English language.* Vol. 2. Ed. by N. Blake. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, 699 p. (In Eng.)

Gast V., van der Auvera J. Towards a distributional typology of human impersonal pronouns, based on data from European languages. *Language across boundaries*. De Gruyter, 2013, pp. 131–169. doi 10.1515/9783110331127.119 (In Eng.)

Haspelmath M. *Indefinite pronouns*. Oxford University Press, 2001. 384 p. (In Eng.)

Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. *Grammaticalization: A conceptual framework.* Chicago, University of Chicago Press, 1991. 327 p. (In Eng.)

Heine B., Kuteva T. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 402 p. (In Eng.)

Heine B., Song K.-A. On the grammaticalization of personal pronouns. *Journal of Linguistics*, 2011, issue 47 (3), pp. 587–630. doi 10.1017/S0022226711000016 (In Eng.)

Lehmann C. Theory and method in grammaticalization. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik* [Journal of German Linguistics], 2004, issue 32/2, pp. 152–187. doi 10.1515/zfgl.2004.32.2.152 (In Ger.)

Информация об авторе

Разумных Елена Валерьевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1

amilano80@mail.ru

SPIN-код: 5407-7489
ORCID: https://orcid.org/0009-0002-7716-4890

Статья поступила в редакцию 22.12.2025
Одобрена после рецензирования 14.01.2026
Принята к публикации 25.03.2026

Information about the author

Elena V. Razumnykh
Associate Professor
in the Department of English Language
Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia

amilano80@mail.ru

SPIN-code: 5407-7489
ORCID: https://orcid.org/0009-0002-7716-4890

Submitted 22 Dec 2025
Revised 14 Jan 2026
Accepted 25 Mar 2026